

Jurij Łabynczew, Łarisa Szcawinskaja

Церковное летописание во II Речи Посполитой : (по материалам культурологической экспедиции 1996 г.)

Acta Polono-Ruthenica 2, 221-231

1997

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Jurij Labyncew, Larisa Szczawinskaja
Moskwa

Церковное летописание во II Речи Посполитой (по материалам культурологической экспедиции 1996 г.)*

О восточнославянских летописях и летописании в давней Польше и Великом княжестве Литовском известно немало. Существуют даже специальные библиографии работ, посвященных этой проблематике, например, составленная Р. П. Дмитриевой, учитывающая литературу на многих языках вплоть до 1960 года.¹ Обилие исследований о древних и старинных летописях как нельзя более красноречиво свидетельствует о значительном интересе к этим историческим источникам и литературным памятникам, исследователями и публикаторами которых начиная с XVII столетия выступали гуманитарии различных специальностей, в основном историки и литературоведы. Последние во все времена проявляли к летописанию особый интерес. Не случайно одним из крупнейших знатоков летописей в наши дни является Д. С. Лихачев.

Впрочем, все это относится преимущественно к древнейшим и древним летописям, менее к старинным. Летописи позднейшие почти не привлекали внимания.² Исследований церковного летописания XIX века не проводилось вовсе и лишь сейчас вопрос о его существовании, как нам кажется, может быть наконец поставлен.

* Исследование осуществлено благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (96-04-18008). Авторы выражают свою благодарность за помощь в собирании материалов протоиерею Григорию Сосне.

¹ Р. П. Дмитриева. *Библиография русского летописания*. Москва - Ленинград 1962.

² В. С. Иконников. *Опыт русской историографии*. Киев 1908. т. 2, кс. 2, с. 1423-1488.

Куда более сложное положение с церковным летописанием в XX столетии, особенно в послереволюционные (после 1917 года) годы, когда начался небывалый до той поры процесс тотального уничтожения Православной церкви. Церковное летописание этого совсем недавнего времени видится чем-то совершенно невероятным, едва ли вообще возможным. Тем не менее такое летописание существовало и связано оно было как с древними восточнославянскими традициями, так и непосредственно с традициями Русской Православной церкви, заложенными в XIX веке.

Удивительной страной, где церковные летописи писались вплоть до наших дней, а особенно интенсивно в 1920-е - 1930-е годы, оказалась Польша. П Речь Посполита с ее Православной церковью, почти 5 миллионами православных, традициями и культурой Русской Православной церкви, которые были переняты от Церкви-Матери, стала уникальным местом, где традиции эти и культура не только сохранялись, но и отчасти развивались, примером чему служит и приходское церковное летописание.

В церковных приходских архивах Варшавско-Бельской и Белостоцко-Гданьской епархий Польской Автокефальной Православной церкви до сих пор берегаются местные церковные летописи, составлявшиеся священниками во второй половине XIX-го и XX-м веках. Начало этой работе было положено в 1860-е - 1970-е годы, когда по распоряжению Святейшего Правительствующего Синода ведение погодных летописей вменялось в обязанность настоятелю каждой приходской церкви по всем епархиям. Впервые в епархии Литовско-Виленской решение о ведении церковных летописей оглашено в 1867 году, когда ею управлял известный митрополит Иосиф (Семашко). Помимо соответствующих письменных указаний, доведенных до сведения всех приходских священников, решение о ведении церковных летописей было опубликовано в „Литовских епархиальных ведомостях” (1867, № 2). В дальнейшем внимание к этому вопросу со стороны руководства епархией все время возрастало. Был подготовлен даже целый ряд специальных инструкций, касающихся церковного летописания, первой из них стали правила³, разработанные при митрополите Макарии (Булгакове),

³ „Литовские епархиальные ведомости”, 1879, пр 52, s. 423-425.

известном церковном историке, который тогда управлял Литовско-Виленской епархией. Очень подробной была тщательно составленная записка *Об описании церквей и приходов Литовской епархии*, появившаяся в 1886 году и утвержденная Литовской духовной консисторией⁴. Вместе с тем, дело с возрождением церковного летописания не везде шло успешно, в некоторых приходах летописи не велись вовсе, что заставляло отцов благочинных и консисторию постоянно напоминать приходским священникам об их новой обязанности.⁵

Впрочем, было и немало удивительных исключений, когда ведение погодных летописей превращалось в настоящую исследовательскую работу, плоды которой стали особенно ценны уже в наши дни. Пример тому *Церковно-историческое и статистическое описание Чарнянской церкви и ее прихода*, сделанное священником Алексеем Волковским в начале 90-х годов XIX века. Этот „документ был найден в январе 1992 г. во время подготовительных работ по упорядочиванию приходского архива в Чарней Церковной, проводившихся Дорофеем Фиоником”⁶. Находка оказалась столь значительной для местной истории, что почти сразу же Д. Фионик и С. Иванюк приступили к ее публикации на языке оригинала (русском) и в переводе на польский. Этот перевод вместе с публикаторами осуществила известная белорусская поэтесса с Белостотчины Надежда Артымович.

Труд о. Алексея представляет большой научный, культурный и чисто церковный интерес, ибо в нем священнику удалось почти с фотографической точностью запечатлеть особенности основных сторон жизни нескольких православных селений самого края польско-восточнославянского пограничья в XIX веке. О. Алексей изучал местные традиции, материалы богатого церковного архива, во многом ныне утраченные, собирал народные предания и даже проводил археологические раскопки (подробнее см. нашу рецензию на эту

⁴ „Литовские епархиальные ведомости”, 1886, nr 37, s. 336-345.

⁵ „Литовские епархиальные ведомости”, 1880, nr 2, s. 9.

⁶ О. А. Wołkowski, *Historyczny oraz statystyczny opis cerkwi i parafii w Czarnej Cerkiewnej*, wstęp i przypisy D. Fionik, S. Iwaniuk. Czarna Cerkiewna - Bielsk Podlaski 1994, s. 6.

публикацию⁷). Вместе с тем, данная публикация явилась, пожалуй, первым столь удачным примером возобновления археографической работы по выявлению памятников кирилловской письменной традиции на территории современной Польши, предпринятого православными молодежными братствами. А ведь восточнославянское рукописное и печатное наследие в нынешней Польше столь значительно, что требует специального систематического изучения, включая и самые настоящие археографические экспедиции, своего рода опыт проведения которых был впервые поставлен Варшавским университетом в 1970-е годы.⁸ Собственно без систематического обследования всех без исключения архивов приходских православных церквей в Польше, Западной Беларуси, Западной Украине и Литве, а также отчасти целевого поиска в некоторых епархиальных и ряде государственных хранилищ, невозможно представить полную картину церковного летописания во II Речи Посполитой.

В нашем распоряжении оказались всего лишь около десятка церковных летописей, ведшихся в межвоенной Польше в основном в местах, населенных белорусами, отчасти украинцами. Некоторые из этих памятников удалось полностью или частично скопировать, с остальными более или менее подробно ознакомиться. Примечательно, что наиболее тщательно и умело составленные церковные летописи писались в том приходе, который имел значительный опыт в составлении различного рода отчетов, обладал хорошим архивом, иногда с документами двух- или даже трехсотлетней давности, неплохой библиотекой. Были и выдающиеся летописцы, обладавшие исключительным литературным талантом, которые оставили нам записки, читающиеся с огромным интересом. В них оказалась запечатленной не одна человеческая жизнь, история нескольких поколений, порой почти сокровенные мысли самого писателя, его раздумья о событиях, лицах, своей эпохе в целом.

Существовали и своего рода апологеты церковного летописания. К таковым мы бы отнесли протонерея Ксенофонта Милькова,

⁷ „Białoruskie Zeszyty Historyczne”. Białystok 1994. nr 2. s. 164-168.

⁸ Ю. А. Лабынцев. *К вопросу об изучении памятников кирилловской традиции в Польше*, „Славяноведение”, 1995, nr 2. s. 80-83.

оставившего нам интереснейшее повествование - *Нечто новое о ведении церковных летописей*⁹.

Материала для записей в церк. летопись, - сообщал о. Ксенофонт, - имеется достаточно в каждом приходе. Самое главное - это, чтобы отцы настоятели приходов имели охоту вести церк. летопись не за страх, а за совесть, не отступая от Указов Консистории и не ожидая деликатных напоминаний отцов благочинных. Писать о всем, не мудрствуя лукаво, что имеет то или иное отношение, прямое или косвенное, к данной церкви и приходу, даже - о погоде, от которой зависит посещаемость прихожанами церкви, об урожае, от которого, ведь, зависит жертвенность прихожан и т.п.... Летописец должен в себе воспитать любовь к записыванию, вырезыванию и наклеиванию и надолго не откладывать своих записей: подождать, когда материал соберется, - сейчас его и вписывать в церк. летопись. Откладывать же дело записи надолго, это значит: никогда не записать ее. Интересно всегда то, что записано „по свежему”, а „отклад - не идет в лад”, как говорит народная пословица.

Все известные нам церковные летописи, ведшиеся в межвоенной Польше, можно разделить по степени их подробности и таланта записывавшего на три группы. К первой, весьма многочисленной, относятся очень краткие погодные записи, порой с пропуском ряда годов. Объем таких летописей за весь межвоенный период равняется всего лишь нескольким страницам. Такова в основном церковная летопись из Беловежа, ведшаяся при храме во имя св. Николая Чудотворца. Вторую группу образуют более или менее обширные летописные сборники, многие из которых стали составляться еще в предвоенные годы, то есть до начала I мировой войны и трагического периода в жизни православных межвоенной Польши, который получил название „беженства”, когда местное православное население и духовенство были почти полностью эвакуированы в глубь России и Украины, а затем в течение нескольких лет возвращались в разоренные и опустошенные войной родные места, где при новой власти долгое время (годами) не получали гражданских прав. Обо всех этих событиях, а также о многочисленных

⁹ Протоиерей Ксенофонт Мильков. *Нечто новое о ведении церковных летописей*. „Воскресное чтение”, 1938, пг 18-19, s. 211-212.

человеческих жертвах военного времени, периода эвакуации и „беженства“, пришедшихся на годы революционного переворота в Российской империи и ее распада, можно прочесть в этих церковных хрониках. Порой они единственные достоверные свидетельства по истории той или иной местности 1910-х - 1930-х годов, уникальные документы, характеризующие умонастроения крестьянства и духовенства - белорусов, украинцев, русских, „тутейших“. Так в разделе *() церкви или храма* второй части *Церковно-приходской Летописи Кожанской Крестовозовиженской церкви* записано:

Во время мировой войны в 1915-м году колокола церковные прихожане затопили в реке Нареве. Утварь церковную зарыли в землю. Две иконы месночтимыя Божией Матери прихожане взяли с собою и одна из них осталась в России, а другую прихожанин деревни Кожан Илья Алексюк привез с собою назад, когда возвратился из эвакуации. По возвращении из эвакуации в 1921 году прихожане извлекли колокола из реки Наревы и повесили на колокольню. Зарытая утварь в земле была откопана ими и перенесена в Церковь.

В разделе *Имущество церкви* той же летописи сказано:

До мировой войны при церкви было 58 десятин 548 квадратных сажён. В 1925 году при церкви оставлено лишь 2 гектара, а остальная земля отошла к Дирекции Лесов Правительственных, которая отдает местному населению церковную землю в арендное содержание... Священник получает от казны в месяц 55 злотых вспомоществования, а псаломщик - 20 злотых. Кружечного дохода причт имеет за 1932-ый год 600 злотых, за 1931-ый год 750 злотых и за 1930-ый год 700 злотых.

Летопись содержит достаточно подробные сведения о притче, знакомит нас с его образовательным уровнем, особенностями поставления:

Священник Николай Лебедев, по прошению перемещенный из Виленской епархии. Его Высокопреосвященством Архиепископом Алексием назначен 6 июня 1932 года в Кожанский приход. Окончил полный курс учения в Виленском Духовном училище и по особому испытанию при Комиссии Гродненской Духовной Консистории выдержал экзамен на звание священника. Псаломщик Александр Савоневский окончил Васильков-

ское народное училище и его Высокопреосвященством Архиепископом Алексием 11 июня 1927 года назначен и.д. псаломщика.

В год своего назначения „в Кожанский приход” о. Николай Лебедев запишет о здешних прихожанах:

В настоящее время числится прихожан - мужского пола 700, а женского - 800 человек. Прихожане довольно усердно посещают церковные богослужения: за редкими исключениями бывают у исповеди Св. Причастия. Нравы женатых прихожан хорошие, что же касается молодежи мужского пола, то они под влиянием алкоголя на своих собраниях заводят драки. Во время мировой войны, в 1915-м году, немногие из прихожан остались на насиженных местах, а большинство уехало в глубь России. Вернулись из эвакуации они в 1921, а частью в 1922 году. Прихожане занимаются земледелием, а в деревнях, расположенных вблизи Нарева, еще - рыбным промыслом. - За время, когда не было священника в Кожанском приходе - в деревню Дорожки стали наезжать возжаки сектантов баптистов и таким образом из православия совертилось в баптизм 5 семейств, но больше сектантство не распространяется.

В погодных записях с различной степенью подробности освещаются те или иные важнейшие события, произошедшие в приходе, особенно тщательно описывается все, что связано с церковной жизнью, а также выдающиеся случаи в судьбах прихожан. Постоянно фиксируется число браков, рождений и погребений; финансовое состояние приходской церкви; деятельность при церкви различных объединений прихожан, например, таких как церковные братства; все „церковно-тарелочные сборы”, в том числе шедшие на многочисленные „церковно-благотворительные цели”, такие, например, как поддержка образовательных учреждений православных, „русских Православных обителей на Афоне”, „Православной Духовной Миссии на Лемковщине”, „Церковно-строительного фонда Холмщины”, „восстановления Турковицкой обители на Холмщине”, работ „по ремонту церкви в селе Тыляве на Лемковщине (в Малопольше)” и другие. Некоторые погодные записи содержат своеобразные лирические отступления летописца, порой увеличивающие их обычный объем в 2-3 страницы большого формата еще на 1-2

страницы. Пожалуй, самые подробные записи делались по случаю приезда в приход правящего архиерея.

Очень резко многие церковные летописи проводят границу нового, военного времени:

Началась Польско-Немецкая война во второй половине с.г. и в начале сентября в нашу местность, - сообщает Кожанская летопись, - вступили немецкие войска, а после них Советские... Епископ Гродненский и Новогрудский Савва пред приходом Советской власти уехал за границу, а потому Архиерейский дом, как пустующий, в Гродне, был занят Советской властью. Епископы Тимофей и Матвей, из воснных священников Польской армии, были хиротонисованы во Епископов и тоже, при приходе Советской власти, уехали за границу... Митрополит Дионисий, пред приходом Советской власти, тоже уехал за границу.

Примечательно, что все церковные летописи писались исключительно на русском языке. Последние записи в них относятся, как правило, к 1950-м годам. Все они, за исключением летописей третьей группы, имеют более или менее одинаковый состав. В начале такой летописи помещалась историческая справка о приходе и приходской церкви, составлявшаяся на основе различных документов, прежде всего находившихся в архиве самой церкви, а также различных литературных источников на нескольких языках, в основном польском, русском, латинском. Объем таких исторических справок в некоторых летописях доходил до 70 и более рукописных страниц большого формата. Справка превращалась в хорошо документированную историю данной местности по крайней мере за последние четыреста, а то и пятьсот лет, нередко со дня основания здесь поселений. Справки содержали выдержки из многих древних, ныне утраченных, документов, записи различных легенд, описания случавшихся здесь выдающихся событий и многое другое. В них, как правило, включались краткие резюме различных визитаций, что дает огромный по ценности материал по церковной истории.

Первая или общая часть летописи включала и подробные сведения о духовно-нравственном облике прихожан, готовность которых „нуждающимся в помощи всегда можно видеть...”, за исключением немногих единичных случаев”, - сообщила Кожанская летопись.

Целомудрие нарушается в редких случаях. Сироты, калеки и нищие не бывают забыты, и милостыня там, где она нужна, охотно подается требующим ее. Заходит нищий в дом, ему не отказывают в подаении никогда и можно видеть с каким смирением и готовностью десятки женщин под церковью каждый праздничный и воскресный день наделяют хлебом и деньгами многих нищих, прося их молиться или за живых или за умерших.

Эта же общая часть летописей сохранила для нас образцы местного говора, „простого“, „тутейшего“, „нашего“, „своего“. В разделе Кожанской летописи, посвященном знахарству, читаем:

Указывая на какого-либо человека-знахаря, отвечают так: „О зь им цяжко возниция. Он може такой беды нарабиць, што до віку не забудешь“. В той же общей части помещались и специальные разделы, отображающие духовную культуру прихожан, причем в них были рубрики, специально касающиеся культуры словесной, устной и письменной, такие, например, как *Народная словесность*, *Книги*, *Чтение*, и другие, дающие представление о местном фольклоре, рукописной и печатной книжности, бытовавшей здесь.

Вторая часть летописей, составлявшая погодные записи, собственно являвшаяся „повременной церковно-приходской летописью“, должна была в идеале выдерживаться по следующей схеме: сведения о чисто церковных событиях, в том числе и в местной жизни; имущественном положении приходского храма; о церковно-служителях; о прихожанах; о различных сборах; церковную статистику и „годовые выводы“.

Конечно же далеко не все настоятели приходских церквей ответственно относились к составлению церковных летописей. Многие из них даже в малой степени едва ли разделяли суждение протоиерея Ксенофонта Милькова: „Всякая вещь имеет свою историю. И церковь, и приход, и епархия - тоже имеет свою историю. Знание истории церкви, прихода в целом и каждого селения в отдельности - весьма необходимо и для Высшей Церковной Власти вообще, и в частности для приходского духовенства“¹⁰

¹⁰ Ibidem. s. 211.

Потому-то, „предвоенные Дух. Консистории требовали, чтобы в каждом приходе велись церковные летописи, а на обязанности о.о. благочинных лежала проверка: пишутся ли церковные летописи. При сдаче годовичного отчета о.о. настоятели должны были в числе множества книг и актов представить о.о. благочинным и Летопись Церковную.¹¹

К сожалению, и отцы настоятели приходов (в большинстве), и отцы благочинные (некоторые) - не придавали большого значения церковным летописям, и потому последние велись, надо сказать правду, - небрежно. В некоторых летописях за какой-либо год было всего 2-3 записи, обыкновенно писанные в конце года пред представлением отчетности о. благочинному.¹²

Не удивительно, что „попадались и такие „упорствующие” отцы настоятели”, которые „принципально”, целыми годами ничего не писали”, и только ожидаемый объезд Владыки заставлял их присесть на один - два вечера и „с потолка” хватать материал для записей в церковной летописи”.¹³

В целом, церковная летопись, ведшаяся в том или ином приходе, плод труда нескольких летописцев, нескольких настоятелей данного прихода, труд общий, коллективный. В этом особое, даже принципиальное отличие церковных летописей первой и второй групп от группы третьей. Последнюю, весьма малочисленную, составляют обширные церковные хроники и описания, настоящие энциклопедии почти в духе Д'Аламбера, отличающиеся всеми качествами замечательного литературного и исторического памятника. Они написаны единственным автором, который одновременно выступает и в роли историка, и этнографа, и талантливый бытописателя, порой философа. Летописи этой группы заслуживают особого, отдельного изучения, специального исследования, так как каждая представляет собой значительный научный и общепознавательный интерес. К числу таких памятников принадлежит и *Описание Рыболовского Прихода за двухсотлетний период с 1751 по 1951 год по*

¹¹ Ibidem.

¹² Ibidem. s. 211.

¹³ Ibidem. s. 211-212.

данным архива Рыболовской церкви в двух книгах, составлявшееся в межвоенные, военные и первые послевоенные годы местным священником о. Николаем Круковским, родившимся в священнической семье „в селе Малая Плотница бывшего Пинского уезда Минской губернии 21-го октября 1895 года”.

Посвящение, помещенное о. Николаем в самом начале его *Описания*, раскрывает особенности настроения и вдохновения автора, внутреннюю духовную атмосферу, в которой им осуществлялось церковное летописание.

Труд этот посвящаю моим предшественникам - настоятелям Рыболовского Прихода, - нашедшим у стен Рыболовского приходского храма и других храмов прихода место вечного покоя.

Часто, идя в церковь, я думаю о том, что по этой же дорожке ходили в течение нескольких сотен лет мои предшественники. И также, как и я, входили в храм не только с благоговением, но, по человеческой слабости, вносили туда с собою и житейския думы, житейския чувства, переживания и настроения.

И чудится мне, что в этот момент мои предшественники смотрят на меня, понимают мое душевное состояние, сорадуются моим радостям, сочувствуют моим горестям и, сами пережившие много и уже обретшие покой, готовы на помощь мне, своему малодушному и слабому преемнику.

Протоиерей Николай Круковский.